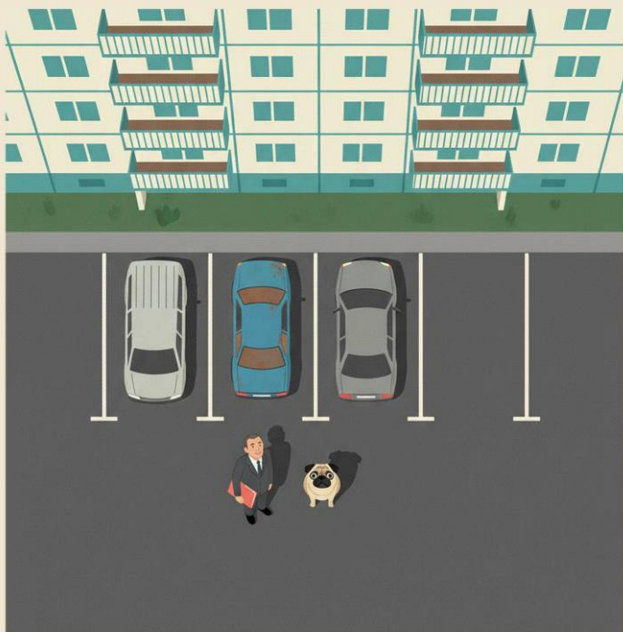

ДМИТРИЙ МИГУНОВ

СВОБОДНОЕ МЕСТО

в параллельной ветке реальности

Дмитрий Мигунов

Свободное место в параллельной ветке реальности

<https://litres.ru/74371333>

SelfPub; 2026

Аннотация

Павел Стеценко девятнадцать лет расследует страховые мошенничества и знает наверняка: чудес не бывает, у каждого совпадения есть выгодоприобретатель. Пока пенсионер с одиннадцатую безупречными выплатами не показывает ему фокус — и Павел из чистого скепсиса не загадывает свободное место у вечно забитого подъезда.

Место находится. А дома код от звонка «никогда не существовал», мопс отзывается на чужую кличку, и жена уверена, что так было всегда.

Павел делает то, что умеет: заводит блокнот, собирает улики и открывает единственное дело, где подозреваемая — реальность. Только каждая попытка вернуться домой заканчивается миром чуть хуже и страннее. В одном Нижнем мошенники каются сами. В другом оборотни воют по графику ТСЖ. В третьем после конца света уцелел только Нижний Новгород — и никто не заметил: все были на огородах.

А рядом в каждом из этих миров — одна и та же женщина. И вот её Павел объяснить не может.

Фантастическая комедия о том, что домой не прыгают. Домой возвращаются.

Содержание

Глава 1. Выгодоприобретатель	5
Глава 2. Фокус	20
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Дмитрий Мигунов

Свободное место в параллельной ветке реальности

Глава 1. Выгодоприобретатель

Авария выглядела прилично. У белой «Камри» было смято переднее крыло, у старой «Приоры» треснул бампер, оба водителя стояли целые, трезвые и вполне довольные жизнью. Не сходились в этой аварии только люди.

Люди после настоящего ДТП держатся порознь. Каждый ходит вокруг своей машины, снимает её на телефон и репетирует про себя, что скажет жене. Эти двое стояли рядышком в тени фуры и мирно о чём-то разговаривали, как мужики в очереди на шиномонтаж.

Павел поставил машину поодаль и пошёл к ним по обочине, чувствуя сквозь подошвы, до чего накалился асфальт. Пятница ползла мимо, из города в сторону дач, душная, вся в стоп-сигналах. В открытые окна высовывались локти, из локтей торчали сигареты, над крышами плыл общий, на всю пробку, шансон. Торопиться было некуда: люди, которые со-

бираются соврать, никуда не торопятся тоже. Стоят и ждут, когда им начнут верить.

Работу свою Павел любил вот за эти первые полминуты. Пока идёшь от машины до чужого вранья, голова ещё пустая, картинка чистая: кто где стоит, кто куда не смотрит, у кого руки в карманах. Дальше начнутся слова, а от слов картинка только мутнеет.

Хозяин «Камри», крупный дядька в олимпийке, представился Виталием и рассказал всё сам, охотно и в подробностях: ехал в среднем ряду, никого не трогал, а этот вдруг перестроился и ударил в бок. Рассказывал он складно, с деталями — где притормозил, где посигналил, — и Павел дослушал до конца не перебивая. Подробности он любил: на подробностях люди сыплются чаще всего. Второй водитель, толстый парень в футболке с иностранной надписью, стоял рядом и кивал на каждое слово.

— Вы знакомы? — спросил Павел.

— Первый раз друг друга видим, — сказал Виталий.

Парень кивнул и на это.

Павел открыл блокнот и попросил документы. Парня звали Мезенцев Вячеслав, двадцать шесть лет, страховка свежая, месяц как оформлена. Пока Павел переписывал номера, пачка сигарет успела сходить от Виталия к Мезенцеву и обратно, и прикуривали оба от одной зажигалки.

Свидетель обнаружился чуть дальше, у серой «Октавии» — мужичок в кепке, старательно глядевший в телефон. Па-

вел подошёл и с полминуты рассматривал его молча. Молчание он держал спокойно, без нажима — просто стоял и смотрел. Мужичок за эти полминуты трижды обновил в телефоне одну и ту же страницу.

— А мы виделись, — сказал Павел наконец. — В марте, на богородской трассе. Вы тогда тоже случайно мимо проезжали.

— Я много езжу, — сказал мужичок, не поднимая глаз.

— Это заметно.

Вмятину на крыле Павел осмотрел уже для порядка. Присел на корточки, тронул скол пальцем — металл нагрелся за день так, что палец пришлось отдёргнуть. По краю скола сидела рыжая, обжитая ржавчина.

Ржавчина не заводится за сорок минут.

— Мужики, — сказал он, выпрямляясь, — давайте сэкономим друг другу вечер. Крыло помято давно, ещё по холодам, об столб или об угол гаража. Продавать с ним стыдно, чинить за свои жалко. Вячеслав со своим бампером подвернулся через знакомых, свидетеля позвали для солидности. И сигареты у вас одни на двоих — для незнакомых людей это даже трогательно.

Виталий засопел и стал смотреть в сторону, туда, где по шоссе уезжали в город люди, у которых всё было проще.

— Докажи, — сказал он без особой надежды.

— А мне незачем. Бумагу вам самим писать расхочется. Запомните на будущее: у совпадения всегда есть выгодопри-

обретатель. Как только появится заявление, я начну его искать. Вам это надо?

— И чего теперь? — спросил Мезенцев. Голос у него оказался тонкий, почти детский.

— Ничего. Разъезжаетесь и живёте дальше. Считайте, что повезло.

Слово это он выдал легко, не задумываясь. Чужим людям Павел его не жалел.

До машины он шёл, спиной чувствуя три обиженных взгляда.

В салоне стояла духота, как в парнике. Он распахнул обе двери, сел боком на водительское, ногами на асфальт, и разрешил себе минуту ничего не делать: сидеть, смотреть на ползущих мимо дачников и ждать, пока из машины вытянет жар. Минута полагалась ему по личному регламенту после каждого расколотого дела. Другого вознаграждения за расколотые дела всё равно не полагалось.

Потом он глянул на телефон — два пропущенных от Ирины Сергеевны.

— Отбил своих жуликов? — спросила она вместо приветствия.

— Отбил.

— Тогда заезжай в отдел, у меня для тебя подарок.

Слово это Павлу не понравилось сразу. Подарками Ирина Сергеевна называла две вещи: чужую премию и чужой всяк.

Премий в августе не бывало.

— Дед один, — сказала она. — Одиннадцать страховых случаев за два года. Одиннадцать выплат. И всё чисто, Паш. Совсем чисто.

Павел вырулил в поток. До самого отдела он думал одно. чистых не бывает. За девятнадцать лет ни разу не было. Аккуратные бывают, терпеливые бывают, попадают такие, за которыми ходишь по полгода, — но у всякой красивой серии рано или поздно находится автор, и чудо в очередной раз отменяется. Павла такой порядок устраивал. В мире, где у совпадений есть авторы, он умел жить.

Папка деда оказалась тонкой и лёгкой, хотя дел в ней лежало одиннадцать. Павел полистал её за рабочим столом, хмыкнул, забрал с собой и поехал домой — читать такое лучше на сытый желудок.

Ещё с поворота он увидел, что все четыре места у подъезда заняты.

Ничего нового в этом не было. Дом у них был на шестьдесят квартир, а парковку под ним размечали в те времена, когда машина считалась роскошью: четыре места, и те вприпрыжку. У самого подъезда стоял серебристый «Ларгус» соседа с четвёртого этажа — тот приезжал к шести, а в полседьмого уже поливал что-то на балконе, поглядывая вниз, на машину. За одиннадцать лет сосед не опоздал ни разу. Павел проверял. Рядом стоял ржавый «Фокус» тётки из четырнадца-

той квартиры. Тётка давно не ездила дальше поликлиники, но место держала твёрдо. Третье и четвёртое занимали чьи-то гости; судя по пыли на стёклах, гостили они с мая.

Война за эти четыре места шла столько, сколько они здесь жили, и велась по правилам, которых никто не записывал, но которые все знали назубок. Зимой очередь держали табуретками, и табуретки воровали чаще, чем магнитолы. На собрании жильцов кто-то однажды предложил жребий — предложившего чуть не побили обе партии сразу: и та, что стояла, и та, что только собиралась.

Павел объехал двор по кругу, скорее для очистки совести, и поставил машину у гаражей, за квартал. Там, посреди вытоптанного газона, торчал пенёк от тополя. Тополь спилили три года назад, когда полдома подписало жалобу на пух, и Павел до сих пор жалел о нём чуть больше, чем пристало взрослому мужику жалеть о дереве. Тася в тополиные юни собирала пух в трёхлитровую банку — говорила, что это летний снег и что должен же он где-то храниться до зимы. Банку в итоге конфисковала Женя — вместе с найденной там же зажигалкой.

— Четыре места на шестьдесят квартир, — сказал он пню, запирая машину.

Пень не возразил.

Обратно Павел шёл пешком, с папкой под мышкой. Вечер понемногу остывал, из открытых окон пахло ужинами, на каждом этаже своим. Во дворе, на уровне третьих этажей,

переругивались из-за парковки два знакомых голоса — лениво, без огонька: эти двое ругались так уже лет десять и, кажется, оба давно получали от процесса удовольствие. Проходя вдоль машин, он по привычке отметил, что у «Фокуса» спустило заднее левое, а гостям с третьего места пора бы протереть стёкла хотя бы из вежливости. Отучиться от этого он не мог и не пытался — у этой привычки не было выходов.

В подъезде пахло жареной картошкой с луком. Запах спускался откуда-то сверху, с его этажа, и последний пролёт Павел прошёл быстрее обычного.

Дверь он открывать не стал, хотя ключи лежали в кармане. Позвонил: два коротких, один длинный. Так у них было заведено — свои звонят кодом, чужие как попало, а кто код забыл, тот приносит мороженое. Правила придумала Тася, и они держались уже третий год без единой поправки.

За дверью зацокали когти, следом прошлёпали босые пятки.

— Кто там? — строго спросили из-за двери.

— Свои.

— Свои звонят кодом.

— Я звонил кодом.

— А я не слышала. Ты попал на мороженое, — сказала Тася и открыла.

Мопс Боря вывалился на площадку первым, хрюкнул и

уткнулся Павлу в ботинок — выяснял, где хозяин был и чем это место пахло. Досмотр Павел перенёс стоя, как положено. Тася стояла в проёме в Жениной футболке до колен и смотрела с прищуром человека, выигравшего спор.

— Долго едешь, — сообщила она. — Картошки уже почти нет.

Картошки было ещё полсковородки. Женя стояла у плиты спиной, в её позе читался длинный день, и Павел, проходя, тронул её за плечо.

Плечо под футболкой было тёплое и чуть опущенное — на нём, судя по наклону, висел весь сегодняшний день целиком. Пахло от Жени луком, подсолнечным маслом и, уже едва-едва, утренними духами, которых к вечеру почти не оставалось. Она не обернулась, только прижала на секунду его ладонь щекой; щека была горячая от плиты. Жест был старше Таси. Когда они перешли на него вместо «привет, как дела», Павел вспомнить не мог, а ведь дату стоило бы зафиксировать — в любом деле точная дата дорого стоит. Мысль вышла казённая, рабочая, он сам её устыдился — постоял ещё секунду и пошёл мыть руки.

— Как день? — спросил Павел.

— Тридцать раз «рыба» и тридцать раз «ракета», — сказала Женя, не оборачиваясь. — К пятнице он у меня зарычит.

Логопедом в детской поликлинике она работала двенадцатый год, и ходил к ней сейчас мальчик, который менял

«р» на «л». Женя воевала за эту букву третий месяц, упрямо, по полчаса в день.

Вечерами она раскладывала на диване карточки со своими рыбами и ракетами и вполголоса рычала — отрабатывала раскат для завтрашнего боя. Павел за годы привык к этому, как привыкают к бою часов: слышал и не слушал. Спроси его кто, хороший ли она логопед, он бы растерялся: жена как жена, при чём здесь логопед.

За ужином говорила в основном Тася — у неё в классе шла какая-то большая история про то, кто с кем больше не дружит, со списками и перебежчиками. Павел ел картошку, которой «почти не было», слушал вполуха и кивал в нужных местах, а Женя изредка задавала уточняющие вопросы, из которых выходило, что действующих лиц она помнит лучше самой Таси.

Боря дежурил под столом, заняв позицию у Тасиного стула: из троих сидевших за столом ронял еду только один человек, и статистику эту Боря вычислил без всякого блокнота.

Тася за едой рисовала — тарелку она отодвинула на самый край, чтобы освободить место листу. На листе сидел Боря, похожий и величественный, как на монете. Хвост в лист не поместился и был пририсован сбоку, отдельно, со стрелочкой.

— Пап. — Она не подняла головы от листа. — Меня мама Киры может записать в художку, там запись в сентябре, надо только съездить посмотреть, и там вступительное, но Софья

Андреевна сказала, что у меня рука поставлена, представляешь, поставлена, это она про меня сказала.

— В сентябре и посмотрим, Тась. Доживём до сентября — съездим.

— Ты в том году тоже так говорил.

Сказала без обиды, ровно, как отмечают факт погоды, и вернулась к хвосту. Женя посмотрела на Павла поверх карточек. Он сделал вид, что очень занят солью.

Про тот год Павел, честно говоря, не помнил. Помнил только, что было лето, что-то горело по работе и сентябрь виделся далёким и просторным, как чужой отпуск. Нынешний сентябрь виделся точно таким же. Он посолил картошку второй раз и решил, что уж в этом-то году — точно.

Потом он потянулся вилкой к сковородке.

— Изъятие вещдока, — сказал он.

— По протоколу, — отозвалась Тася, не поднимая головы.

Формулу они отработали, когда ей было лет пять, и с тех пор ни разу не сбились.

Рисунок с Борей Тася перед сном повесила на холодильник, подвинув в сторону прошлогодний натюрморт. Холодильник у них работал доской почёта: старые рисунки не выбрасывались — снимались с довольствия и уходили в архив на антресоли. Магнитов не хватало всегда.

Потом они с Женей поговорили. Повестка была обычная: счётчики — передал, школьное собрание — в четверг, кран на кухне — капает, но жить можно. Регламент выработался

за годы сам собой: он докладывал по технической части, она по гуманитарной, прения не открывались. Заседание закрыли в половине десятого и разошлись по телефонам — она со своим на диван, он со своим в кресло. Час прошёл тихо, по семейному: каждый в своей ленте.

Когда Тася с Борей ушли спать — Боря спал у неё в ногах, это тоже был закон, и тоже её, — Павел разложил на кухонном столе папку деда. Женя домывала посуду и время от времени заглядывала через его плечо.

Одиннадцать случаев. В феврале деда залили соседи сверху, и сосед вину признал. В апреле на его «Ниву» упала ветка; в ту ночь по всей области валило деревья. В мае град побил теплицу, и град был, вот справка. Пожар в сарае от проводки, кража колёс, ещё один залив. Всё мелкое, всё бесспорное, всё с фотографиями и актами.

Дед не хапал. Деду везло аккуратно, одиннадцать раз подряд.

— Бывают же счастливые люди, — сказала Женя, вытирая руки.

— Не бывают, — сказал Павел.

Женя пожала плечами и ушла стелить, а он посидел ещё, глядя на серую обложку. В квартире стало совсем тихо, только в ванной мерно капал кран, по которому давно было принято решение «жить можно», да за Тасиной дверью вздыхал во сне Боря. Завтра суббота. Съездит сам, без звонка.

Гурин жил на другом конце Нижнего, в частном секторе за Мызой. Субботним утром сектор жил своей жизнью: дымил чей-то ранний мангал, у колонки стояли с вёдрами две женщины и разговаривали так, что вёдра были явно предложением, а на заборе через дом висело рукописное объявление про мёд с двумя ошибками в слове «майский». Павел ехал медленно, читал номера домов и никак не мог согнать с себя незаконное хорошее настроение. По-хорошему, всё про деда он поднял бы и из отдела, по базам. Но бумага говорит о человеке меньше, чем его двор, — а двор Гурина ему был нужен срочно.

За рулём он поймал себя на том, что репетирует предстоящий разговор, — и усмехнулся: молодых в отделе он первым делом отучал именно от этого. Кто репетирует, тот слушает себя, а слушать надо собеседника. С другой стороны, молодым пока не попадались деды с одиннадцатью безупречными выплатами.

Дом он нашёл к десяти утра — зелёная крыша, старая вишня у забора, — а дед отыскал посреди огорода: тот стоял со шлангом и поливал грядки с видом человека, у которого всё идёт по плану.

— Гурин Александр Александрович? — Павел развернул удостоверение. — Стеценко, страховая.

— Саныч, — сказал дед, не удивившись. — А я вас ждал, Павел Сергеевич. После восьмого случая ещё. Долго же вы собирались.

Отчества Павел не называл. Отметил это по привычке — и по привычке же объяснил: в удостоверении прочитал. Показывал он его, правда, секунды две, и шрифт там мелкий, но глазастые деды в жизни бывают. Проверять тут было нечего.

— А что такого было в восьмом?

— Цифра красивая. У вас же на красивые цифры глаз наметан.

Двор Павел осмотрел, пока шли к веранде, и осмотр этот его не порадовал. Теплица стояла под новенькой плёнкой, крыло у «Нивы» блестело, в сарае белела свежая проводка. Всё по актам, рубль в рубль. Люди, которые доят страховую, чинят что угодно, кроме того, за что получили деньги. Гурин починил всё.

На веранде дед разлил из термоса чай на смородиновом листе, крепкий до черноты. На столе под клеёнкой в жёлтый цветок нашлись сахарница и стопка старых кроссвордов; под потолком висели пучками сушёные травы, и пахла веранда ими — горько и по-аптечному.

— Чайник у меня в среду сгорел, — пояснил дед. — Пока термосом обхожусь.

— Двенадцатый случай будет?

— Не буду я по чайнику заявлять, — сказал Гурин с достоинством. — Совесть надо иметь.

Павел достал папку и разложил на столе одиннадцать дел. Он прошёлся по всем, спокойно и по порядку, от февральского залива до кражи колёс. Каждый случай по отдельности

— житейское дело. Одиннадцать подряд за два года — статистическая невозможность. Так не бывает, Александр Александрович. Так не бывает ни у кого.

Гурин слушал внимательно, кивал и прихлёбывал чай.

— Всё верно, — согласился он, когда Павел закончил. — Не бывает. А у меня — вот.

— И как вы это объясняете?

— Мне везёт.

Слово это Павел не любил с детства. Отец у него тоже верил, что ему везёт: сорок лет каждую субботу покупал лотерейные билеты на деньги, которые прятал от матери, и до самого конца просил Павла сверять номера по тиражной таблице, потому что глаза уже не читали мелкий шрифт. Павел читал вслух, по два раза каждый номер, а отец слушал, шевеля губами, и на каждой строчке успевал прожить отдельную маленькую жизнь — безбедную, секунды на полторы. Крупного отец так и не дождался. Мелкого, в общем, тоже.

— Везение — это статистика, — сказал Павел. — А статистику я умею читать. У совпадения всегда есть выгодоприобретатель.

— Есть, — легко согласился Гурин. — Я. Кто ж ещё.

Он подлил чаю и посмотрел на Павла поверх кружки, весело и внимательно.

— Вы ведь теперь не отстанете, пока не поймёте, — сказал он. — Я вашего брата знаю. Одиннадцать бумажек в ряд разложить — не каждый догадается, а вы разложили.

— К чему вы это?

— К тому, что мне не только со страховыми случаями ве-
зёт, Павел Сергеевич. Я просто выбираю, где стоять.

Схемы здесь не было. Девятнадцать лет Павел входил в чужие дворы и с порога понимал, где ему врут, — здесь не врали, и от этого было хуже, чем от любого вранья. Он собрал папку, поблагодарил за чай и пошёл к калитке, уже прикидывая, что до отдела отсюда полчаса, в субботу там пусто и никто не будет заглядывать через плечо, пока он поднимает по деду всё, что есть.

— Павел Сергеевич, — окликнул Гурин от веранды. — По базам меня проверять поедете? Проверьте, жалко, что ли. Только зря выходной потратите: про меня в базах скучно. Давайте короче сделаем.

Он сощурился на солнце и сказал буднично, как предлагают добавку:

— Хотите, фокус покажу?

Глава 2. Фокус

— Фокусы в цирке показывают, — сказал Павел.

— В цирке ловкость рук, — сказал Гурин. — А у меня по-честному. Да вы сядьте, чего в калитке стоять.

Павел посмотрел на часы, на улицу за забором, потом на деда. И вернулся на веранду, объяснив это себе тем, что материал по фигуранту лишним не бывает.

Стул под ним скрипнул тем же скрипом, что и полчаса назад, и Павел с неудовольствием отметил, что успел к этому стулу привыкнуть. На веранде было хорошо — вот что было плохо. Через раскрытую дверь на клеёнку падало солнце, травы под потолком пахли аптекой, и торопиться отсюда не хотелось никуда, а ему по всем правилам полагалось торопиться.

— Улица у нас тихая, — сказал Гурин, вытряхивая в кружки остатки из термоса. — Машина проходит раз в десять минут, а то и реже. И всё больше серые да белые. Я как-то посчитал от нечего делать: из десяти машин красной не бывает ни одной, ну разве по большим праздникам. Так вот вам фокус, Павел Сергеевич. Сейчас проедет красная.

— Сейчас — это когда?

— А пока чай не остыл.

Сидели молча. Над блюдцем с вареньем кружила оса, и Гурин лениво отгонял её ложкой. За забором прошла сосед-

ка с пустым бидоном, поздоровалась, дед кивнул. Через два двора стрекотала газонокосилка, замолкала, стрекотала снова — хозяин, судя по паузам, косил и курил по очереди. Чай остывал. Павел пил мелкими глотками и прикидывал, где на этой улице удобнее всего поставить машину, чтобы выехать по звонку, — привычка думать за жуликов срабатывала у него сама, как коленный рефлекс. Кружка была щербатая, с синим ободком; из точно такой он в детстве пил чай у бабки в Богородске, и от этого совпадения тоже было неуютно — слишком много их набралось за одно утро.

Мотор он услышал раньше, чем увидел. По улице, не торопясь, проехал красный «Матиз» — маленький, круглый, с вышитой подушкой под задним стеклом. Прошуршал мимо калитки и скрылся за поворотом.

— Ну вот, — сказал Гурин без всякого торжества, как подтверждают прогноз погоды.

Первые секунды Павел не почувствовал ничего. Красная машина проехала по улице — с кем не бывает. Потом он заметил, что чай в кружке уже остыл до той температуры, когда его можно пить большими глотками, а он держит кружку у рта и не пьёт, и держит так давно.

Павел поставил кружку, вышел за калитку и постоял, глядя машине вслед. Улица лежала пустая до самого конца, пыльная и сонная. Ни второй красной, ни чьей-нибудь спины за углом, ни соседки с бидоном — та успела скрыться. Он честно посмотрел в обе стороны, как учат детей у дороги, и

вернулся на веранду.

— Соседка, — сказал он. — С бидоном. Прошла мимо — подала знак.

— Клавдия Петровна, — согласился Гурин. — Ей восемьдесят один. Можете догнать, она недалеко ушла.

— Тогда по времени. Вы знаете, когда тут кто ездит. Красный «Матиз» — с этой улицы, ездит по субботам в одно время. За магазином живёт, наверное.

— Может, и за магазином, — не стал спорить Гурин. — Я его первый раз вижу.

— Совпадение.

— Конечно, совпадение. — Дед отогнал осу и посмотрел на Павла с интересом. — Я, Павел Сергеевич, ничем другим и не работаю. Совпадение — это весь мой инструмент и есть.

Павел молчал. Где-то в глубине его профессии, за девятнадцатью годами актов и протоколов, было одно твёрдое место, на котором всё стояло: если событие кому-то выгодно, у события есть автор. Сейчас на этом месте сидел дед в клетчатой рубаше, прихлёбывал чай и улыбался.

— Хорошо. Как?

— А я с машиной ничего не делал, — сказал Гурин. — Она и так где-то ехала, без меня. Я только выбрал, где мне сидеть. Там, где она проедет. — Он подумал и добавил: — Мест на свете много, Павел Сергеевич. Надо просто выбрать посвободнее.

— Так не бывает.

— Вы это вчера про мои выплаты говорили. Сегодня уже про машину. Ходко движетесь.

Павел встал. У любой схемы есть край, за который можно потянуть. Где-то торопится свидетель, где-то страховка куплена за неделю до аварии, где-то ржавчина старше вмятины. Девятнадцать лет он только это и делал: находил край и тянул. Здесь края не было, и от этого хотелось уехать поскорее.

— Зачем вы мне это показываете?

Гурин ответил не сразу. Оса наконец добралась до варенья, и он не стал её гнать.

— Два года жду, кто заметит, — сказал он. — Соседи не замечают. В конторе вашей девять человек мои бумажки подписали и не заметили. А вы пришли, разложили одиннадцать листочков в ряд и говорите: так не бывает. — Он поднял глаза. — Приятно.

— Что приятно?

— Что хоть кто-то считает.

Сказал он это просто и сразу занялся термосом: завинтил крышку, проверил, довинтил ещё. Занятие было на пять секунд, дед растянул его на полминуты. Павел смотрел на его руки и по привычке откладывал увиденное в ту папку, куда складывал всё, что к делу не относится, но может пригодиться. За девятнадцать лет папка эта не пригодилась ни разу.

Павел пошёл к калитке. Уже на улице, взявшись за щеколду, он услышал сзади:

— Сами попробуйте. Только загадывайте простое и чтобы

проверить сразу. Ну вот светофоры хотя бы: чтобы до самого дома ни одного красного. Дёшево и сердито.

— Ничего я загадывать не буду.

— Само собой, — легко согласился Гурин. — Езжайте. Светофоры вам сегодня всё равно зелёные.

До машины Павел дошёл, ни разу не обернувшись, и калитку за собой закрыл аккуратнее, чем собирался.

В машине он не сразу завёлся. Посидел, глядя через лобовое на улицу, где всё было серое и белое, как обещано. Потом всё-таки доехал до магазина и свернул за него — просто посмотреть. За магазином стояли три дома, две «Лады» и трактор. Красного не было ничего, даже почтового ящика. Павел развернулся в три приёма и выехал на трассу, чувствуя себя человеком, который проверил под кроватью.

От Мызы до отдела было полчаса и семь светофоров. Павел доехал за двадцать минут: все семь встретили его зелёным.

Первые три он не заметил. Ехал, как всегда ездил по субботам, — расслабленно, локоть в окно, радио на той волне, где не разговаривают. Город стоял пустой и мытый, в субботнем настроении, когда даже проспект Гагарина едет со скоростью прогулки. Пятый светофор Павел отметил машинально, как отмечал всё на свете. На седьмом поймал себя на том, что заранее сбросил скорость — ждал жёлтого. Светофор держал зелёный сколько положено и ещё чуть-чуть свер-

ху.

— Суббота, — сказал он вслух. — Город пустой, волна настроена.

Объяснение было хорошее. Он и сам принял бы его от любого жулика, и именно поэтому оно ему не нравилось.

Отдел по выходным стоял пустой и гулкий. Дежурная на входе оторвалась от кроссворда:

— Опять вам не отдыхается, Павел Сергееч.

— Отдыхается, — сказал он. — Просто в другом месте.

Коридор пах субботой: полиролью, которой уборщица по пятницам натирала перила, и остывшим за ночь кофейным автоматом. Павел взял из автомата стакан: любой рабочий день у него начинался с этого стакана, а сегодня хотелось, чтобы день был рабочим.

Здание по субботам жило звуками, которых в будни не слышно: гудел холодильник в чьём-то кабинете, за стеной щёлкал остывающий кондиционер, на первом этаже дежурная разгадывала кроссворд вслух, сама себе. Павел любил отдел таким — пустым, без совещаний, когда никто не заглядывает через плечо.

За своим столом он включил компьютер и следующие четыре часа занимался тем, что умел лучше всего на свете.

Гурин Александр Александрович, шестьдесят четыре года. Водительский стаж сорок лет, два штрафа за всю жизнь, оба за скорость, оба в девяностых. Кредитов нет. Судимостей нет. Исков нет — ни от него, ни к нему. Пенсия, дом, огород.

В графе «родственники» стоял прочерк, давний и канцелярский, и Павел скользнул по нему взглядом, не задержавшись.

Первую схему он построил за десять минут. Сговор с оценщиком: кто-то свой подписывает деду акты, дед делится. Схема была красивая и умерла молодой — оценщики по одиннадцати делам оказались разные, из трёх филиалов, двое давно уволились.

Вторая схема — подстроенные события. Павел поднял метеосводки и похоронил её ещё быстрее. Град в мае шёл полосой в сорок километров, по всему югу области. Апрельская буря валила деревья в трёх регионах. Соседский залив подтверждался актом о гнилом стояке, а стояк гнил лет двадцать. Организовать такое было не под силу даже очень целеустремлённому пенсионеру.

Третью схему он строил уже из упрямства: наводчик в самой страховой, кто-то сливает деду... что? На этом месте схема заканчивалась. Невозможно слить человеку град.

Павел написал это в блокноте — «слить град» — и посмотрел на два слова. Выглядели они как диагноз.

Он откинулся на стуле и повернулся к окну. Внизу, на пустой субботней парковке отдела, его машина стояла у самого входа, на месте, которое в будни занимал начальник службы безопасности. Место было свободно по уважительной причине, и Павел всё равно смотрел на него дольше, чем требовалось.

Позвонила Женя.

— Ты до ночи?

— Час ещё. Максимум полтора.

— Мы ватрушки затеяли, имей в виду. — В трубке, на заднем плане, Тася кричала что-то про Борю и про ластик.

— Тася говорит, Боря съел ластик и не раскаивается.

— Скажи, пусть оформляет чистосердечное.

— Он и оформил. Лёг ухом на тапок.

Павел положил трубку и какое-то время смотрел на телефон, улыбаясь уже без причины. Потом улыбка сошла сама, потому что взгляд вернулся к столу.

Рассказать Жене про деда он попробовал мысленно, прямо тут, за столом, и на второй фразе сдался. «Пенсионер показал фокус с красной машиной» звучало так, что даже Тася, при всей её лояльности, спросила бы, что папа пил. Женя не спросила бы. Женя посмотрела бы тем взглядом, каким смотрят на мужей, вернувшихся из долгой командировки, и сказала бы: ложись пораньше. За пятнадцать лет он выучил этот взгляд наизусть.

Одиннадцать дел лежали на столе веером. По всем бумагам выходило, что Гурин чист, как школьный глобус, и просто живёт в мире, который хорошо к нему относится. Девятнадцать лет Павел кормил семью тем, что такого мира не бывает.

Жене он написал, что задержится, и к восьми сдал ключ дежурной. Та отложила кроссворд, дописанный за день до половины.

— Нашли, чего искали?

— Нет.

— Ну и хорошо, — сказала она с удовольствием. — Значит, человек честный. Сколько лет тут сижу, и всё-то вам жуликов подавай.

Павел хотел объяснить, что в его работе честный человек означает только одно: искать надо было в другом месте. Но для субботнего вечера это было слишком, и он просто попрощался.

Обратных светофоров тоже было семь. Он проехал их, считая уже в открытую, вслух, как Тася считает ступеньки. На четвёртом хотел позвонить Жене, что едет, но телефон лежал в кармане, а доставать его на зелёный, который вот-вот кончится, не хотелось: момент, когда всё станет нормально, он собирался увидеть своими глазами. Четырнадцать перекрёстков за день. На последнем он сбавил до сорока и честно дал светофору все шансы.

Светофор горел зелёным — доброжелательно, как улыбка деда Гурина.

Во двор Павел заезжать не стал. Остановился перед поворотом, воткнул нейтралку и посидел, слушая, как тикает остывающий мотор.

За гаражами кто-то жарил шашлык, дым тянуло через двор, и в дыму, на уровне вторых этажей, висел субботний вечер целиком: чьё-то радио, чей-то смех, стук мяча о га-

ражную стену. Пень от тополя стоял на своём месте, и место рядом с ним было свободно, как всегда. Туда и надо было ехать.

— Дурдом, — сказал он.

Светофоры были дедовские, дешёвые, и проверить их было нельзя: семь зелёных подряд в пустом городе не доказывали ничего. Если уж проверять, то что-нибудь своё, чего не бывает никогда. Своё у него в этом дворе было одно. Павел подумал, что выглядит сейчас, наверное, как отец с лотерейным билетом, и от этой мысли ему захотелось сделать всё быстро и по-казённому, чтобы не было похоже.

Он выпрямился и произнёс — самым казённым своим голосом, каким зачитывают протокол:

— Прошу обеспечить наличие одного свободного парковочного места у третьего подъезда. Основание: четыре места на шестьдесят квартир.

Собственный голос в пустой машине прозвучал до того глупо, что Павел дал газу резче, чем собирался, и во двор влетел почти с обидой.

Место было.

Первое от двери подъезда — то самое, где всю жизнь стоял соседский «Ларгус». «Ларгуса» во дворе не было. Гостевые легковушки с майской пылью стояли где стояли, тёткин «Фокус» дремал на своём месте, а лучшее место двора было пустым, будто вырезанным по ширине его машины.

Павел припарковался с двух движений, заглушил мотор и

остался сидеть.

Под колёсами, он знал, было масляное пятно — «Ларгус» подтекал с прошлой осени, сосед подкладывал картонку, а картонку уносил ветер. Пятно было на месте, а машины на нём не было.

Суббота, вечер. Сосед мог застрять на даче, мог уехать к детям, мог встать на мойку. Павел перебрал объяснения по одному, как перебирают мелочь в кармане. Объяснения были нормальные. Всё было нормально.

Он поднял глаза на четвёртый этаж. Балкон соседа стоял тёмный, с поливом там сегодня не сложилось. Позвонить и спросить было бы проще всего, и тут Павел сообразил, что телефона соседа у него нет. Одиннадцать лет через стенку — и нет. Он не знал даже, как соседа зовут: в голове тот проходил как «с Ларгусом», и до сегодняшнего вечера этого хватало.

— Совпадение, — сказал он вслух. И услышал в собственном голосе интонацию деда Гурина.

Наверху, на его этаже, горело кухонное окно. Павел вышел, запер машину и у самой двери обернулся: машина стояла у подъезда, как в рекламе счастливой жизни, и смотреть на неё почему-то не хотелось.

В подъезде он поднимался медленно, читая по дороге то, что читал одиннадцать лет: объявление про домофон, «не курить» с приписанным от руки ответом, перила, крашенные в тот год, когда они въехали. Лампочка на третьем не горела

с зимы. Лампочка не горела, и это было единственное, что за сегодня прошло проверку.

Код он отзвонил как всегда: два коротких, один длинный. За дверью зацокали когти, щёлкнул замок. Женя стояла на пороге в фартуке, с мукой на запястье, и смотрела на него с весёлым недоумением.

— Что за концерт со звонком? Ключи забыл?

— Свои звонят кодом, — сказал Павел.

— Каким кодом? — Женя уже уходила в кухню, на ходу вытирая руки о фартук. — Мой руки, всё горячее ещё.

Он остался в коридоре с одним снятым ботинком. Вопрос был задан на ходу, между делом, каким спрашивают «ты хлеб купил?», и именно поэтому дошёл до него не сразу. Три года, два коротких и один длинный: Тася придумала, Женя утвердила, Боря выучил первым. Павел стоял на одной ноге и ждал, когда из кухни крикнут «шучу». Из кухни звякнула крышка о сковородку.

Ватрушками из квартиры не пахло. Пахло жареной картошкой. На подоконнике под полотенцем остывал пирог — длинный, с защипом, судя по запаху с капустой.

Мопс выкатился в коридор и с ходу уткнулся ему в ботинок. Павел присел почесать за ухом — и увидел, что чешет незнакомую собаку. Мопс был тот же: палевый, с тёмной маской, с хвостом-бубликом. Только это была девочка.

Рука его знала эту собаку до последней складки: где чесать, где пёс дёрнет задней лапой, где под ошейником вы-

терлась шерсть. Всё сходилось. Пальцы дошли до знакомого места на пузе и не нашли того, к чему привыкли за четыре года. Павел почесал ещё, для верности, как перепроверяют цифру, которая не может быть такой.

— Найда, не приставай! — крикнула из кухни Тася. — Пап, а Найда сегодня голубя поймала! Почти!

Найда посмотрела на Павла честными выпуклыми глазами и хрюкнула Бориным хрюком.

Он разулся и прошёл на кухню. Стол был накрыт, на холодильнике под магнитами висел Тасин рисунок — мопс, похожий и величественный, узнаваемый до последней линии. Под мопсом печатными буквами было подписано: «НАЙДА».

Вчерашний натюрморт был сдвинут в сторону — ровно так, как Тася сдвинула его вчера при нём. Хвост со стрелочкой торчал сбоку. Магнитов не хватало. Всё было как вчера, до последней кнопки, кроме пяти печатных букв, и от этой точности делалось хуже, чем от любой ошибки.

Женя прошла мимо с тарелками, и он, не думая, тронул её за плечо. Она прижала ладонь щекой — на секунду, не оборачиваясь — и пошла дальше. Этот жест она, по крайней мере, никуда не дела.

— Садись, — Женя поставила на стол сковородку. — Твоя любимая, печёнка.

Печёнку Павел не любил с детского сада.

Он сел, посмотрел на сковородку, на жену, на собаку Най-

ду, сидевшую у его ноги Бориной посадкой, и сказал:
— Ага. Любимая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.